

Мария Михайловна Предовская

Национальный государственный университет физической культуры, спорта и здоровья им. П. Ф. Лесгафта, кандидат философских наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин им. В. У. Агеевца, Санкт-Петербург, Россия
e-mail: predovskaia@gmail.com

Елена Евгеньевна Тебякина

Военная академия материально-технического обеспечения им. генерала армии А. В. Хрулёва, кандидат философских наук, преподаватель кафедры военно-политической работы в войсках (силах), Санкт-Петербург, Россия
e-mail: elenasofos@gmail.com

Метамодернизм и метареализм: переосмысление антропологической реальности

Аннотация. В статье предпринята попытка рационализации, анализа и уточнения смысла широко распространенных понятий, ключевых для описания современности, однако зачастую используемых случайным образом, скорее интуитивно, чем осознанно, таких как метамодернизм, альтермодерн, диджимодернизм и др. Обосновывается необходимость введения термина «метамодернизм», но не как некоторого «зонтичного» явления, объединяющего ряд явлений одного порядка, а как наиболее полно описывающего текущую культурную ситуацию по сравнению с недостатками, выявленными в других терминах. Кроме того, анализируется ряд явлений в культуре, которые изменяют вектор развития человечества и антропологические практики в связи с переходом в виртуальное пространство, благодаря которому бодрийяровское понятие «транспарентности» (прозрачности, непотаенности) обретает новый смысл в практиках социальных сетей и мессенджеров.

Ключевые слова: постмодернизм, метамодернизм, транспарентность, телесность, мем, гиперреальность.

Mariya M. Predovskaia

National State University of Physical Culture, Sports and Health named after P. F. Lesgaft, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Social and Humanitarian Disciplines named after V. U. Ageevets, Saint Petersburg, Russia
e-mail: predovskaia@gmail.com

Elena E. Tebiakina

Military Educational Institution of Logistics named after General of the Army A. V. Khrulyov, Candidate of Philosophical Sciences, Lecturer at the Department of Military-Political Work in the Troops (Forces), Saint Petersburg, Russia
e-mail: elenasofos@gmail.com

Metamodernism and Metarealism: Rethinking Anthropological Reality

Abstract. The article attempts to rationalise, analyse and clarify the meaning of widespread concepts that are key to describing modernity, but are often used randomly, more intuitively than consciously, such as metamodernism, altermodernism, digimodernism, etc. The need to introduce the term “metamodernism” is substantiated, but not as some “umbrella” phenomenon uniting a number of phenomena of the same order, but as the most complete description of the current cultural situation in comparison with the shortcomings identified in other terms. In addition, a number of cultural phenomena are analysed that change the vector of human development and anthropological practices in connection with the transition to virtual space, thanks to which Baudrillard’s concept of “transparency” (transparency, unhiddenness) acquires a new meaning in the practices of social networks and instant messengers.

Keywords: postmodernism, metamodernism, transparency, corporeality, meme, hyperreality.

Введение (Introduction)

Проблема осмысления современности всегда занимала особое место в ряду основных вопросов, подлежащих

культурфилософскому анализу. Сам вопрос оценки настоящего, современного и повседневного бытия, его соотношения с действительностью и реальностью являлся одним из

© Предовская М. М., Тебякина Е. Е., 2024

Для цитирования: Предовская М. М., Тебякина Е. Е. Метамодернизм и метареализм: переосмысление антропологической реальности // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2024. № 3 (44). С. 59–64. DOI: 10.36809/2309-9380-2024-44-59-64

фундаментальных вопросов, способствующих появлению философии как особого способа мышления и бытийствования. Попытка осмыслить наличное бытие, непосредственно присутствуя в его контексте, а также дать прогноз на будущее, исходя из анализа повседневной ситуации и находясь внутри господствующей мифологемы, всегда требовала от философа не только особого подхода к осмыслению проблемы действительности, но и особой постановки вопроса о смысле и сущности наличного бытия. Находясь в ситуации становления новой культурной парадигмы метамодернизма, философы (и в особенности философские антропологи) обязаны не только реагировать на изменения в практике общественного бытия, но и анализировать его, выявлять причины смены парадигмальных оснований, описывать особенности нового типа существования человека и общества.

Методы (Methods)

Подобный анализ современной, наличной ситуации стал возможен благодаря новым методам познания и работы с текстом, разработанным структурализмом, деконструктивизмом, герменевтикой, контент-анализом, которые, после риккеровского признания ценности методологии гуманитарного знания получают широкое распространение в научном сообществе и будут применены в процессе работы над данным исследованием. В работе над материалом также используются методы феноменологической редукции при рассмотрении понятия «метамодернизм», диалектический метод для анализа современной культурфилософской ситуации и метод сравнения концепций постмодерна и метамодерна для подтверждения гипотезы о смене культурной парадигмы.

Литературный обзор (Literature Review)

Для анализа культурной парадигмы постмодерна будет использоваться, в первую очередь, классическая работа Жан-Франсуа Лиотара «Состояние постмодерна», а также ряд работ Жана Бодрийяра («Симулякры и симуляции», «Фатальные стратегии»), для анализа переходного состояния между постмодерном и метамодерном и характеристики понятия «транспарентность» будут также исследоваться взгляды Жана Бодрийяра, но уже в его работе «Прозрачность зла». Основные характеристики понятия «метамодерн» были изложены в работах голландского исследователя Робина ван ден Аккера и норвежского теоретика медиасферы Тимотеуса Вермюлена в их совместном эссе «Заметки о метамодернизме» и сборнике статей под редакцией этих авторов «Метамодернизм. Историчность, аффект и глубина после постмодернизма», а среди отечественных исследователей особый интерес по рассматриваемой тематике представляют работы Александра Владимировича Павлова «Постпостмодернизм. Как социальная и культурная теории объясняют наше время» и Настасьи Алексеевны Хрущевой «Метамодерн в музыке и вокруг нее». Антропологический аспект изменения телесных практик в ситуации смены культурных парадигм наглядно демонстрирует сборник исследований «История тела. Том 3: Перемена взгляда: XX век».

Результаты и обсуждение (Results and Discussion)

Начиная разговор о текущей исторической ситуации и становящейся концепции метамодерна, следует, прежде всего, прояснить те основания, которые не только создадут возможность охарактеризовать новую культурную, социальную и антропологическую реальность, но и позволят, находясь внутри, исследовать ее, а также предоставят возможность аргументированно говорить о конце постмодернистской эпохи и поиске новых концептуальных основ глобального человеческого бытия, опираясь на уже заложенную и ставшую практически классической базу трудов философов конца XX — начала XXI в.

Исторически концепция «постмодерна» как культурного феномена, описывающего наличную действительность, начинает оформляться в 1950-е гг. как реакция на крушение универсальных метанарративов и становление глобального информационного общества. Сформировавшись как концепт в 1979 г. в работе «Состояние постмодерна» Жана-Франсуа Лиотара [1], постмодерн предстает как попытка если не теоретически осмыслить, то хотя бы описать и обобщить множасьщиеся изменения во всех областях жизни человека: науке, искусстве, политике, повседневности. Но в первую очередь подробно постмодернистскому анализу и переработке подверглись литературные тексты, являвшиеся образцами законченных мыслей-концептов, выраженных в текстовой форме, а потому наиболее пригодные для исследования и подготовленные для понимания состояния нарратива.

Первая четверть XXI в. продолжает исследование действительности средствами постмодерна, однако пытается применить их к принципиально новой культурной ситуации современности, имя которой всё еще в должной мере не определено, поскольку можно отметить наличие множества равно легитимных в употреблении понятий, характеризующих современную культурную и общественную ситуацию, которые при всех различиях и сходствах призваны выражать наличную для ныне живущих историческую ситуацию как систему, отличающуюся от предыдущего этапа (состояния постмодерна) и характеризующую современную действительность. По словам французского автора Винсента Дебэна (Vincent Debaene), постмодернизм исчерпал свои возможности из-за излишней концентрации на отношениях власти и доминирования: *Le postmodernisme avait montré le caractère processuel, construit, surdéterminé par des rapports de pouvoir, de la notion de culture* [2, с. 80]. «Постмодернизм продемонстрировал процессуальный характер, конструирующий понятие культуры через сверхдетерминированные властные отношения» (здесь и далее перевод наш. — М. П., Е. Т.). А новой культурной ситуации, наступившей вместе с повсеместным и невероятно быстрым развитием домашнего интернета, необходима была новая культурная ситуация, отходящая от властных отношений и связанных с ними проблем и переходившая к ситуации равноправных участников (создать и распространить свой уникальный авторский контент может абсолютно любой пользователь сети, распространиться, «завируситься» также может любой контент выполненный на любом уровне — и профессиональном, и любительском). Среди вариантов наименования

современной эпохи наиболее популярными и обоснованными концепциями в общемировом научном дискурсе принято считать постпостмодерн, псевдомодерн, перформатизм, гипермодернизм, диджимодернизм, альтермодерн, трансмодернизм [3, с. 316]. Так, в предисловии к сборнику «Метамодернизм: историчность, аффект и глубина после постмодернизма» российский исследователь Александр Павлов, давая характеристику новому термину, с иронией отмечает, что «префикс “мета” оставался единственной незанятой приставкой, которую можно было использовать в качестве альтернативы многочисленным альтернативам постмодернизма» [4, с. 15]. Однако само это терминологическое изобилие, при относительном равенстве разрабатываемых концептуальных взглядов, может восприниматься как один из признаков современности, свидетельствующий о непротиворечивости альтернативных вероятностей. Другой отечественный исследователь Настасья Алексеевна Хрущёва, характеризуя актуальную культурную ситуацию, отмечает ее нигилистические тенденции и тоску по глобальным нарративам, возвращение к которым в настоящем принципиально невозможно: «Метамодерн — это усталость от тотальной иронии постмодерна и тоска по силе и энергии модерна, которые, однако, в прямом виде существовать уже не могут» [5, с. 8].

Сам термин «метамодернизм» (и соответственно «метамодерн» как культурная ситуация и явление в сфере искусства) вводит в широкий научный дискурс голландский философ Робин ван ден Аккер и норвежский теоретик медиа Тимотеус Вермолен в своем эссе «Заметки о метамодернизме» [6]. Метамодернизм возрождает общие классические концепции и универсальные истины, при этом не возвращаясь к «наивным идеологическим позициям модернизма», и находится в состоянии колебания между аспектами культуры модернизма и постмодернизма. Таким образом, понятие «Метамодерна» подспудно выходит на сцену философской мысли и предоставляет более сложные коннотации, чем случайность или простое указание на альтернативность, перформативность или диджитализацию в сравнении с предыдущим периодом. Как отмечают отечественные исследователи: «Глобализация, слияние множества принципиально разных культур, неумолимо ведет к преобладанию метамодерна в самых разных сферах человеческой деятельности» [7, с. 83]. Постмодерн играет с содержанием, метамодерн — с принципиально пустыми формами, предназначенными для того, чтобы наполняться любым содержанием, и создавать удовольствие от процесса того, что в подобной игре возможно наблюдать за установлением и развитием принципиально иной последовательности связей, чем предлагалась изначально. «Метамодернизм не отрицает постмодерн, как альтернативная культурная логика он “смещает акценты”» [8, с. 78]. Именно поэтому в массовой культуре так популярна сегодня идея альтернативных и параллельных вселенных, выраженная в комиксах, фильмах и многочисленных сериалах. Наиболее ярким примером может служить популярная линейка альтернативных и совершенно самоценных вариантов развития и переосмысления событий в «биографиях» классических героев комиксов издательства «Марвел».

Безусловно, следует отметить также, что префикс или атрибут «мета-», применимый к определению современной, наличной действительности, которая, с одной стороны, является возможно средним, переходным, промежуточным периодом при переходе к постчеловечности, киберпанку и существованию в иной социально-виртуальной реальности, а с другой — пытается вернуть полноту и аффективность реальности метанарративов модерна на новом основании, тем самым формируя новую подлинность существующей действительности. Кроме того, метамодерн остается в тесной связи с последствиями постмодерновой эпохи, создавая с ней общность соучастия, но при этом всё еще оставаясь в промежутке, как любое настоящее между свершившимся прошлым и еще ненаступившим будущим. По словам отечественного аналитика метамодерна А. В. Морозова: «“Мета” может означать “после”, подобно “пост”, т. е. метамодерн в каком-то смысле заключает в себе постмодерн, но вместе с тем располагается уже за ним, то есть преодолевает ощущение конца или, по крайней мере, к этому стремится» [9, с. 241].

Если перейти к непосредственно свойствам, характеризующим современную ситуацию метамодерна, то следует включить в анализ один значимый термин — «транспарентность» (от лат. *Transparens* — прозрачный, открытый, нескрывать), вынесенный в заглавие «*Le Transparence du Mal*» — «Прозрачность зла» Жана Бодрийяра [10] — и размытый в русском переводе в угоду более понятному и литературному термину «прозрачность». Именно транспарентность как непотаенность зла, как противостоящая вещи-в-себе в качестве метафизического, по мнению Бодрийяра, описывает специфику современности как метамодерна. В этом отношении латинская транспарентность сходна с греческим понятием $\alpha\text{-}\lambda\eta\theta\epsilon\iota\alpha$ — алетейя, непотаенность как истина, требующая раскрытия, но при этом зависящая от интерпретирующего ее субъекта познания. Так прозрачность, транспарентность присуща исторической и политической, культурной и экономической ситуации, которая не просто не сокрыта от любого наблюдателя, как пользователя СМИ или сети Интернет, но наоборот, настолько массово и разнообразно во всей полноте порой исключительно противоречивого плюрализма мнений предоставлена ему, что становится невидимой, ускользая от взгляда и из области осмысления. Поэтому транспарентность становится ведущим гносеологическим понятием в осмыслении современной культурной ситуации, указывающим на отказ от постижения очевидной истины в случае, если ее понимание в той или иной степени выводит познающего субъекта из зоны привычного, симуляционного, потребительского и любых других типов комфорта. Префикс «транс-» становится маркером нового типа избегания и описывает способность выходить за собственные пределы, распространять свои свойства на то, что прежде было совершенно иным и оставалось вне влияния. Этот префикс настолько значим и неразрывно связан с описанием современности на рубеже веков, что Р. М. Р. Магда, воодушевленная разговором с Бодрийяром, создает и развивает концепцию трансмодернизма [3, с. 180]. Как культурологическая теория, описывающая современность, трансмодернизм

преобразует все сферы общественной и личной жизни. Трансэкономика сращивается с политикой, превращая последнюю в трансполитику, которая распространяет свое влияние на все атрибуты человеческого бытия, включая как сферу труда (возможность удаленной работы или работы только в виртуальном пространстве (программирование, администрирование социальных сетей, создание виртуального контента и т. д.), а также оплаты за производственную деятельность виртуальными, а не реальными деньгами), так и досуговую сферу (социальные сети, спорт, кинематограф, литература, туризм и др.), а также, в обязательном порядке, в языковых практиках. В антропологическом и биологическом смыслах эту же идею воплощает косметическая хирургия, предоставляющая право моделировать себя по собственному желанию, вплоть до изменения пола. Как отмечают исследователи: «С начала развития пластической хирургии, практик преобразования тела (от диет и бодибилдинга до допинга) — всего того, что мы обычно называем “биотехнологической инженерией”, — тема механического человека возникает снова, но теперь в форме “Постчеловеческого”» [11, с. 379]. Само человеческое тело в постмодерне, просвечиваемое лучами рентгена, анализируемое в лабораториях, сканируемое МРТ и КТ, вначале приобретает транспарентность, а впоследствии приходит к метателесности, когда теряется способность судить, «что можно изменить в теле без того, чтобы вместе с этим не изменилась сама наша личность» [11, с. 379].

Также, как и политика, эстетика и искусство выходят за свои пределы и переходят в транс-плоскость. При этом трансэстетика выходит за границы эстетического. Китч, банальность, вульгарность и анти-искусство всего лишь скрывают исчезновение способности воспринимать беняминовскую ауру как подлинность бытия произведения искусства, и вследствие этого теряется потребность и способность к достижению калокагатии как ценностной установки на необходимость работы над собой как в физическом внешнем аспекте, так и во внутреннем, духовном, интеллектуальном. По мысли уже упоминавшегося Бодрийяра: «...если вы не ощущаете воздействия от подлинного Мондриана, вы вольны творить в манере, более характерной для него, чем он сам. <...> Освободившись от реального, вы способны создать нечто большее, чем реальность — сверхреальность» [10, с. 29]. Ему вторят и современные исследователи метамодерна: «С точки зрения художественного подхода возврат ремесел и маньеристкой виртуозности знаменует собой рематериализацию арт-объекта» [4, с. 145].

Таким образом, префикс «транс» описывает принципиальную, но лишенную мотивационной агрессии нападения инвазивность как базовую стратегию, хитроумную уловку, иными чем прежде средствами ведущую к цели. Инвазию и метастазирование как биохимические понятия можно рассматривать не только как взаимосвязанные процессы, но и как проявления единой общей способности раковых клеток мутировать и встраиваться в структуру организма попутно изменяя и ее саму. И, применяя данные термины и области гуманитарного знания, можно сказать, что через инвазию осуществляется метастазирование прежде независимых явлений. От иерархической соподчиненности реальность

через инвазию транс-портируется до «мета» — сосуществования различных уровней доступа и влияния сетевого со-присутствия, в этом смысле превращая метастазы в устойчивую связь между тем, что не должно бы было связываться, с паралогическими синкретическими связями как свойством мифологического мышления. Так, классический уже пример Бодрийяра, описывающий трансэстетику через новый, регулируемый не иерархией классических, эстетических, а строящийся «по образцу неконтролируемого оборотного капитала финансового рынка» [10, с. 337] как чистой спекуляции развивается до пока еще чисто символического принесения в жертву эко-активистами Моны Лизы посредством супа из термоса в надежде привлечь внимание к проблемам окружающей среды.

Скрытый соприсутствием многих областей, где сохраняются иерархические ряды, осуществляется переход от иерархического общества, в котором ценится последовательность «оригинал — копия — подделка» и вертикальная структура «автор — читатель», осуществляется переход к сетевому, ориентированному на горизонтальное соучастие и сотворчество. Человек, который создает базовый концепт как канон в любой области деятельности (пор, сайт-портал, игру, роман, мем), создает сеть, мета-вселенную, в которую через определенные шифры-ключи, разделяемые и принимаемые сообществом, входят или не входят (отсеиваются на стадии начальной интеграции) новые участники сообщества — пользователи. И основной способ удержаться в подобной мета-вселенной — метод создания параллельных, горизонтальных же структур. Такими параллельными рядами могут считаться как однородные, но разные по форме произведений ремейки, так и цепочки последовательностей развития одного сюжета в книгах, фильмах, сериалах, и даже более сложные системы последовательностей, представляемые пародиями, произведениями подражаниями или фанфикшеном, как вторичной литературой, так и фильмами фан-видео.

Опираясь на концепцию Бодрийяра, если проанализировать историю человечества с точки зрения эволюции симулякров, то диалектическая связка «оригинал — подделка» [12] существует вплоть до XX в. и изживается из-за распространения технических средств массового тиражирования широкого спектра артефактов, что порождает альтернативный феномен «оригинал — репродукция».

Становление постиндустриального, информационного общества проходит через стадию кинематографа и государственного телевидения к эпохе домашнего видео, времени, которое можно охарактеризовать как «золотую» эпоху личных видеокамер и домашних видеомэгафонов, каждый владелец устройства мог стать создателем контента для узкого семейного круга, но еще не становился его массовым распространителем.

Следующая культурная и антропологическая черта пересекается в конце XX в. с распространением общедоступной цифровой техники, которая радикально меняет скорость создания, получения, передачи и обработки информации, создавая новую амбивалентность «оригинал — репринт» или «оригинал — репост» в поле виртуального пространства социальных сетей и мессенджеров.

Осмысля отношение к оригиналу в метамодерне, следует отметить, что отторгается его статичность и неповторимость как в произведениях искусства (то же непонимание культурной ценности Моны Лизы), так и в рамках массовой культуры (уже упомянутые ремейки и сериалы, с приквелами и спин-оффами). Оригинал теперь в лучшем случае воспринимается как неподвижная базовая структура, отправная точка, а основным принципом канона становится принципиальная подвижность, изменчивость, способность мутировать и взаимодействовать с иными канонами, создавая кросс-вселенные, объединяющие произвольные элементы в новые лоры — хаотические или систематизированные знание (от англ. *Logic* — знание). Иными словами, канон становится первичной моделью сборки, первоструктурой связей и элементов, которая достраивается метаканон, что позволяет менять и связи, и элементы, и даже некогда такие незыблемые характеристики героев, как характеры и внешность, при сохранении отличительных паттернов поведения или визуальных (описательных) признаков, необходимых исключительно для привязки к канону и узнаванию. Такие признаки, особенно в стиле краткого и лаконичного ключа-маркера, позволяют отличать «своих» членов сообщества, знакомых с изначальными произведениями, прародителями канона и историей разворачивания вокруг него метавселенной, и тех, кто видит в истории оригинальный, независимый сюжет. Одним из таких ключей-пропусков становится сегодня мем. Спонтанно создаваемый на основе любого произведения или ситуации мем — не феномен искусства, а система кодировки ключей. Вследствие того, что современные метанарративы, попадая в свободную для творчества виртуальную среду, постепенно теряют авторство и приобретают автономное, независимое существование, они требуют новой системы быстрого узнавания, несмотря на любые, даже самые радикальные преобразования относительно первоначального состояния. Поэтому метанарратив (метаканон) — это не оригинал и не пасхалка (секретное послание, которое не просто нужно найти, но ради обнаружения которого необходимо предпринять определенные действия), а объединяющая оба эти феномена, живая и развивающаяся путем метастазирования в различные явления повседневного бытия метавселенная. Подобным же образом Бодрийяр описывает формирование «гиперреальности», по своим характеристикам приближающейся к достоверности, но по сути доминирующей над реальностью, по его собственному определению «модель реального без оригинала и реальности» [12, с. 5], чей «ключевой принцип — это не ложная репрезентация реального (идеология), а сокрытие того, что реальное как таковое перестало быть реальным» [3, с. 154].

Но в ситуации метамодерна в пространство гиперреальности включается транспарентность как прозрачность, вследствие чего у феноменов появляется способность ускользать от взгляда непосредственного наблюдателя, прячась за гиперболизацией как чрезмерностью и одновременно мнимостью присутствия, тем самым формируя понятие «метареальность». «Метамодернизм возвращает миф в центр внимания, преследуя ту же цель, что и модернизм, — способствовать психологическому освобождению и помочь личности совершенствоваться, погружаясь в мир иллюзий, мифический мир» [13, с. 123]. Новая метареальность, построенная на системе отсылок как в реальной действительности (к событиям истории, требующим нового осмысления; небывалому уровню ностальгии по 1990-м гг., выраженному в кинематографе, искусстве, поп-культуре и т. д.), так и в виртуальном пространстве создает неомифологическую реальность, формируя новые паттерны человеческого поведения, для которых изначальная верифицируемая действительность не является целью, а только средством возникновения альтернативных и сосуществующих гиперреальностей. Тому, что можно назвать «мифологичностью» мышления в сфере гуманитарного знания, Бодрийяр противопоставлял «всякое стремление к знанию и воле и власти» — «желанию зрелища и иллюзии» [14, с. 264], а искусству сохранения — ироническое искусство исчезновения, что становится в эпоху метамодерна действующей реальностью мономифа.

Заключение (Conclusion)

Таким образом, можно говорить о том, что гиперреализм конца XX в. в первой четверти XXI в. сменяется транс-реализмом, переходя от гротеска к способности выходить за рамки фактологической действительности без утраты для наблюдателя чувства реальности происходящего. По сути транс-реализм создает эту самую неомифологическую картину, еще более достоверную в символичности виртуального пространства, тем, что имеет массу текстов и визуализаций, отчего обретает неограниченное количество сопричастных свидетелей, не имея факта бытия. Поэтому практики метамодерна, переходя в виртуальное пространство социальных сетей и мессенджеров, стремительно размывают пространства реального, оставляя современного человека в «антропологическом недоумении», тоске по реальному и поискам подлинного смысла, сокрытого не в ироничном переигрывании постмодерна, а в наполнении смыслом утраченных структур и мономифов предыдущих эпох, но уже в новой виртуальной оболочке, ставшей живой и настоящей действительностью современного человеческого бытия.

Библиографический список

1. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / пер. с фр. Н. А. Шматко. М. : Ин-т эксперимент. социологии : СПб. : Алетейя, 1998. 160 с.
2. Vincent Debaene L'anthropologie sans la culture // ASDIWAL. Revue genevoise d'anthropologie et d'histoire des religions Année, 2020. P. 176–180.
3. Павлов А. В. Постпостмодернизм. Как социальная и культурная теории объясняют наше время. М. : Дело, 2021. 560 с.
4. Метамодернизм. Историчность, аффект и глубина после постмодернизма. М. : РИПОЛ классик, 2021. 342 с.

5. Хрущева Н. А. Метамодерн в музыке и вокруг нее. М. : РИПОЛ классик, 2020. 304 с.
6. Вермюлен Т., Ван ден Аккер Р. Заметки о метамодернизме // METAMODERN : [сайт]. 2015. 2 дек. URL: <https://metamodernizm.ru/notes-on-metamodernism/> (дата обращения: 23.06.2024).
7. Шаталова М. А. Метамодерн — неизбежный культурный процесс и свежий взгляд на дизайн // Стратегия научно-технологического развития России: проблемы и перспективы реализации : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. Петрозаводск : Новая Наука, 2020. С. 81–83.
8. Мухамеджанова Н. М. Метамодернизм как культурная логика эпохи кризиса // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2021. № 5 (451). Философские науки. Вып. 60. С. 77–83.
9. Морозов А. В. Осторожно, метамодерн: современность как зонтик и маятник // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2019. № 3. С. 238–249.
10. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М. : Добросвет : КДУ, 2009. 3-е изд. 387 с.
11. История тела : в 3 т. Т. 3: Перемена взгляда: XX век / пер. с фр. М. : Новое литературное обозрение, 2018. 464 с.
12. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / пер. с фр. А. Качалова. М. : ПОСТУМ, 2015. 240 с.
13. Челя Джои. Метамодернизм и возвращение мифа // Вестн. Марийс. гос. ун-та. 2024. Т. 18, № 1. С. 122–127.
14. Бодрийяр Ж. Фатальные стратегии. М. : РИПОЛ классик, 2019. 288 с.